

Аврамов Георгий Георгиевич

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ
ПРЕДЕЛЬНОСТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена раскрытию лингвистического статуса категории предельности/непредельности как ядерного компонента функционально-семантической категории аспектуальности в современном французском языке. В статье проводится стратификация аспектуальной семантики, которая позволяет рассматривать семантику предельности/непредельности как категорию семантико-синтаксическую, проявляющуюся только на уровне семантико-синтаксической организации предложения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 66-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.02.00 ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.133.1

Статья посвящена раскрытию лингвистического статуса категории предельности/непредельности как ядерного компонента функционально-семантической категории аспектуальности в современном французском языке. В статье проводится стратификация аспектуальной семантики, которая позволяет рассматривать семантику предельности/непредельности как категорию семантико-синтаксическую, проявляющуюся только на уровне семантико-синтаксической организации предложения.

Ключевые слова и фразы: предельность/непредельность; функционально-семантическая категория (ФСК) аспектуальности; ядро/периферия; категория вида; способ действия; видовая семантика.

Аврамов Георгий Георгиевич, к. филол. н., доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
aggespoir53@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время аспектология получила столь бурное развитие, что о ней можно говорить уже как об особой отрасли языкознания со своими специфическими принципами, методами и задачами. Аспектология уже выработала свою аксиоматику, т.е. ряд основополагающих принципов, служащих отправной точкой при изучении категории вида и смежных или сходных с видом явлений в различных языках. Так, признается, что «ФСК аспектуальности является универсальной, несмотря на то, что не все языки имеют грамматически оформленную категорию вида. Однако в содержательной стороне всех языков существует некоторая зона смыслов, каким-либо способом выраженная и соответствующая тому, что в славянских языках выражается с помощью видовых форм и способов действия» [9, с. 79].

Судя по тому, что в языке, действительно, «наряду с необходимостью отражать временные границы действия существует необходимость передачи пространственно-временной характеристики действия и состояния» [14, с. 15], категория вида справедливо относится к числу понятийных категорий, «данных в сознании и являющихся результатом опыта» [11, с. 13]. В аспектологии соотношение между ФСК аспектуальности как категорией высказывания и видом как категорией грамматической интерпретируется следующим образом: они соотносительны в плане содержания (так как обе выражают видовую семантику), но резко противопоставляются в плане выражения: вид выражает эту семантику посредством парадигматически противопоставленных форм одного глагола, аспектуальность же объединяет все средства выражения видовой семантики – лексические, морфологические, синтаксические (в том числе и средства выражения вида как грамматической категории – в «видовых» языках). Таким образом, в современном языкознании видовая семантика рассматривается как универсальная понятийно-языковая категория, присутствующая в любом языке и имеющая свои лексические, грамматические и семантические средства выражения, по-разному комбинирующиеся в различных языках.

Существует, по крайней мере, две точки зрения на семантику вида. Одна из них восходит к В. В. Виноградову, который считал основным значением вида значение наличия/отсутствия внутреннего предела действия [5, с. 497]. Эта точка зрения принята сейчас большинством отечественных лингвистов. Согласно второй точке зрения [4; 8], семантика вида состоит в наличии/отсутствии признака неделимой целостности действия.

В данной работе принимается трактовка семантики вида, выдвинутая Ю. С. Степановым: «Вид есть грамматическая категория, семантика которой состоит в полагании или снятии понятия внутреннего предела действия, т.е. семантика вида свободно оппозитивна; форма вида в соответствии с семантикой также всегда свободно оппозитивна: она заключается в противопоставлении, по крайней мере, двух выражений для одного объективного действия» [12, с. 413].

Такое определение семантики вида позволяет говорить о ней как о семантике сигнификативной, ориентированной не на обозначение предмета действительности (денотата), а на обозначение понятия (сигнификата). Другими словами, вид не предполагает появления предела или его исчезновение в объективной действительности, в обозначаемом процессе, в денотате.

Аспектуальность как функционально-семантическая категория высказывания характеризуется своей определенной внутренней структурой, проявляющейся прежде всего в соотношении ее ядерных и периферийных элементов. В русском и других славянских языках с их высокоразвитой системой видовых противопоставлений проблема выделения ядра (центра) ФСК аспектуальности решается однозначно: грамматическая категория вида и является в славянских языках ядром ФСК аспектуальности. Во французском языке ни оппозиция

простые/сложные времена, ни оппозиция линейные/точечные времена не могут быть признаны чисто видовыми. Несомненно, что временные формы глагола влияют на аспектуальную характеристику действий, но формируют они аспектуальные значения не сами по себе, а во взаимодействии с другими средствами аспектологического контекста. Во французском языке лексема *tuer* может означать и «убить», и «убивать», а выбор того или иного (видового) значения определяется в широком контексте, т.е. в самом высказывании. По-видимому, справедливо высказывание Р. Ружички о том, что «глагольный вид представляет собой не что-то не выражаемое и этим языкам чуждое, а пример своеобразного оформления лингвистического знака и означаемого, осмысляемого только в границах высказывания и контекста» [10, с. 11].

Отсутствие во французском языке грамматической категории вида выдвигает на первый план проблему ядра (центра) ФСК аспектуальности. Основываясь на положении о том, что если ФСК в данном языке не опирается на морфологическую категорию, занимающую центральное положение по отношению к иным компонентам поля, то роль ядра могут играть другие языковые средства [7, с. 10], исследователи французской аспектологии в качестве ядра ФСК аспектуальности рассматривают категорию предельности/непредельности. При этом данная категория интерпретируется большинством ученых как лексико-семантическая, выражающаяся в оппозиции предельных/непредельных по своей лексической семантике глагольных основ. В основе такого понимания данной категории лежит определение А. В. Бондарко, который определяет предельность как предполагаемый самой природой действия внутренний предел, которого достигает действие, а непредельность – как предполагаемое самой природой действия отсутствие у него какого-либо предела [2, с. 21; 3, с. 203].

Однако, опираясь только на лексическую семантику глагольного слова, чрезвычайно трудно, если не невозможно, определить однозначно глагол как предельный или непредельный. Во-первых, в этом случае предельные/непредельные глаголы задаются списками и представляют собой открытые лексические ряды, что исключает возможность исчисления всех глагольных лексем данного языка, и всегда остаются глаголы, не охваченные данной классификацией. Во-вторых, большинство исследователей говорят о предельности/непредельности глаголов действия, и в этом случае вне сферы аспектуальной характеристики остается обширный пласт глагольной лексики, выражающей не-действие. Однозначному определению предельности/непредельности глагольной лексики препятствует функционирование глаголов (как единиц языка) в речи. Анализ фактического языкового материала показывает, что почти каждая глагольная лексема в составе одних высказываний может интерпретироваться как предельная, в составе же других высказываний – как непредельная. Так, например, глаголы *construire* / 'строить', *lire* / 'читать', *écrire* / 'писать', которые во всех лексических классификациях рассматриваются как предельные и которые, действительно, выражают предельность в высказываниях типа *Pierre construit une maison* / Петр строит дом; *Pierre lit un roman intéressant* / Петр читает интересный роман; *Pierre écrit une lettre à sa mère* / Петр пишет письмо своей матери; функционируют и в высказываниях типа: *Pierre construit des maisons* / Петр строит дома; *Pierre lit beaucoup* / Петр много читает; *Pierre écrit mal* / Петр плохо пишет, в которых они выражают непредельность. Все это свидетельствует о том, что предельность/непредельность зависит не только и не столько от лексической семантики глагольного слова, сколько от функционирования глагола в предложении, в зависимости от его окружения в высказывании. Несомненно, что предельность/непредельность в своих истоках связана с лексической семантикой глагольного слова, однако действительная специфика этой категории полностью и всесторонне проявляется только на уровне семантики синтаксической.

Указывая на недостаточность и противоречивость чисто лексического подхода к категории предельность/непредельность, А. А. Холодович рассматривает предельные глаголы как отображение процессов с одной степенью свободы, т.е. таких, которые завершаются переходом в какое-нибудь вполне определенное состояние. Так, единственным состоянием, возникающим по завершении, например, такого процесса, как «надевать пальто» может быть только состояние «быть в пальто». Непредельные глаголы, соответственно, интерпретируются как отражение процессов с несколькими степенями свободы, т.е. когда окончание данного процесса не имплицитно подразумевает переход в какое-либо состояние. Например, процесс *ходить по комнате* может окончиться любым другим процессом или состоянием, в котором способен, по логике вещей, находиться субъект данного процесса. Ср.: *Он ходил, ходил по комнате и, наконец, сел* / *Он ходил, ходил по комнате и, наконец, покинул ее* и т.п. [13, с. 138-139]. Следует отметить, что под понятием «процесс» А. А. Холодович понимает любой предикативный признак /как действие, так и не-действие/, за исключением состояния. Ср.: «Упрощая реальное положение дел, будем считать, что глаголы называют только процессы и состояния» [Там же]. Таким образом, у А. А. Холодовича явно просматривается семантико-синтаксическая направленность анализа категории предельности, поскольку характеризуются уже не глагольные лексемы «надевать» и «ходить», а глагольно-именные синтагмы *надевать пальто* и *ходить по комнате*, предельность/непредельность которых проявляется уже только в высказываниях с данными синтагмами.

С другой стороны, А. А. Холодович указывает, что предельность/непредельность процесса, проявляясь на уровне высказывания, по-разному соотносится с понятием законченности. Законченность предельного процесса предполагает вполне определенное состояние, с которым процесс находится в строгих хронологических причинно-следственных отношениях, ср.:

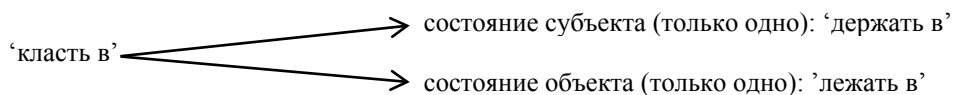
(а) А повесил В → (б) В повешен, В висит,

где (а) пресуппонирует (б), а (б) является хроно-логическим следствием (а). Законченность же непредельного процесса не предполагает с необходимостью никакого определенного состояния. Если же даже в конкретном высказывании и следует какой-либо процесс, например, «Он ходил, ходил по комнате и, наконец, сел», то этот процесс связан с непредельным исходным отношением простой временной последовательности, но никак не хроно-логическими причинно-следственными отношениями.

Из этого следует, что у предельности и неопределенности различается сам лингвистический статус законченности, поскольку законченность предельного процесса является его внутренней исчерпанностью, законченность неопределенного процесса является его простой прекращенностью в произвольный момент времени по причинам, внешним по отношению к самому процессу. Прекращенность действия не означает его исчерпанности, преодоления внешнего или внутреннего предела. Прекращенность и предельность действия – это понятия разных уровней: прекращенность относится к темпоральности, предельность – к аспектуальности [6, с. 32].

Следовательно, критерием при определении предельности/неопределенности процесса является их различный характер соотносительности с понятием законченности, связанный с наличием/отсутствием в ситуации результативного состояния как хроно-логического следствия его законченности.

Но состояние не может проявляться само по себе или для себя, оно всегда является состоянием чего-либо, какой-либо субстанции. Поэтому А. А. Холодович связывает предельность с результативным состоянием субстанций (субъекта и/или объекта), участвующих в исходном предельном процессе. Таким образом, у А. А. Холодовича происходит переориентация перспективы анализа с глагола на его окружение, на субстанции, участвующие в выражаемом глаголом процессе. Предел процесса находится не в нем самом, определяется не его «внутренней природой», а проявляется вне его – в связанных с ним субстанциях и определяется наличием в денотативной ситуации субстанции-носителя результативного состояния как хроно-логического следствия законченности исходного процесса. При этом отмечается, что предельный процесс, связывающий несколько субстанций, может в принципе предполагать столько результативных состояний, сколько предметов участвует в ситуации. Однако от этого процесс не перестает быть предельным, поскольку для каждого участника ситуации предполагается только одно, вполне определенное состояние, т.е. это предельный процесс с одной степенью свободы по отношению к данному участнику этого процесса [13, с. 154-155], ср.:

Из вышесказанного следует, что семантика предельности ориентирована на обнаружение предела в субстанциях, участвующих в процессе. В этом плане предельность принципиально отличается от семантики вида как семантики сигнификативной, направленной на обозначение понятия о пределе. Из денотативного характера семантики предельности вытекает и ее лингвистический статус категории как категории семантико-синтаксической, проявляющейся только в семантико-синтаксической организации предложения.

Направленная на выявление предела в «отрезке» действительности, категория предельности/неопределенности интерпретируется уже как наличие/отсутствие в ситуации субстанции, на которой замыкался бы процесс. В этом случае аспектуальную характеристику получает уже не процесс сам по себе, а вся ситуация в целом. Так, процесс «lire» может быть центром, по крайней мере, двух принципиально различных денотативных ситуаций – действия и характеристики субъекта, репрезентируемых, соответственно, предложениями (а) и (б):

(а) *Pierre lit un livre* / Петр читает книгу.

(б) *Pierre lit beaucoup* / Петр читает много.

Но предельностью характеризуется вся ситуация (а), поскольку в ней присутствует субстанция *un livre*/книга, на которой замыкается процесс и которая является носителем результативного состояния как хроно-логического следствия исчерпанности процесса *lire*/читать, ср.: *Le livre se lit* / Книга читается. С другой стороны, неопределенностью характеризуется также вся ситуация (б), так как здесь «законченность» действия не предполагает никакого результативного состояния. Таким образом, нельзя не согласиться с Ш. Балли, который как-то заметил, что основные трудности и проблемы, возникающие при исследовании аспектуальности во французском языке, связаны с тем, что все исследователи искали и ищут вид в глаголе, и никто – в его окружении [1, с. 386].

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 413 с.
2. Бондарко А. В. Семантика предела // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 14-25.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
4. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Грамматические категории французского глагола. М.: Высш. школа, 1972. 152 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. М. – Л.: Учпедгиз, 1947. 774 с.
6. Вопросы глагольного вида / под редакцией Ю. С. Маслова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 383 с.
7. Гульга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 110 с.
8. Исаченко А. И. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология: в 2-х ч. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. 557 с.
9. Маслов Ю. С. Универсальные компоненты семантики в содержании категории совершенного/несовершенного вида // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 73-83.
10. Ружичка Р. К вопросу о существовании особых принципов и методов описания грамматической структуры славянских языков // Грамматическое описание славянских языков. М.: Наука, 1974. С. 8-12.
11. Серебrenников Б. А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 7-52.
12. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность / Балто-славянская проблема I // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5. С. 408-420.

13. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 303 с.
14. Ярцева В. Н. Проблема универсалий и классификация языков //
15. Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 5-28.

ON THE ISSUE OF THE LINGUISTIC STATUS OF THE CATEGORY OF BOUNDEDNESS/UNBOUNDEDNESS IN CONTEMPORARY FRENCH

Avramov Georgii Georgievich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don
aggespoir53@mail.ru

The article is devoted to the linguistic status of the category of boundedness/unboundedness as the nucleus component of the functional-semantic category of aspectuality in the contemporary French language. The article carries out the stratification of aspectual semantics, which allows considering the semantics of boundedness/unboundedness as a semantic-syntactic category, which is expressed only at the level of the semantic-syntactic organization of the sentence.

Key words and phrases: boundedness/unboundedness; functional-semantic category of aspectuality; nucleus / periphery; category of aspect; mode of action; aspectual semantics.

УДК 811.512.157

В статье рассматриваются основные терминообразующие способы в якутском языке. В частности, лексико-грамматические и аналитико-синтаксические способы образования терминов якутского музыкального искусства. Основное внимание автор акцентирует на продуктивных аффиксах и разновидностях якутской терминологической синтагматики: сложных и составных терминах.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; термин; сложный термин; составной термин; аффикс.

Акимова Александра Спартаковна, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Sikkier84@mail.ru

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ЯКУТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Одной из важных и актуальных задач в нашей жизни и культуре остается развитие языка, расширение и укрепление области его применения. Это вызвано необычайным ростом значимости терминологии в языке. За последние несколько десятилетий наблюдается бурное образование новых дисциплин, что влечет за собой их потребность в собственной терминологии. Ежегодно в нашей стране увеличивается число выпускаемых словарей специальной лексики, расширяются области их применения. Однако все еще остаются лакуны, требующие своевременного заполнения. К таким лакунам относятся термины якутского музыкального искусства, которые требуют систематизации и упорядочения. Упорядочение – это основная составляющая практической работы по унификации терминологии, связанной с приведением терминов к единообразию, единой форме или системе. Унификация призвана обеспечить однозначное соответствие между системой понятий и терминосистемой.

Цель статьи – выявить основные терминообразующие способы в якутском языке на примере терминов якутского музыкального искусства. В Якутии до Октябрьской революции богатейшие пласты музыкальной культуры якутского народа оставались почти необследованными и неизученными, что привело к забвению некоторых терминов, связанных с музыкой и музыкальными инструментами. В настоящее время благодаря демократическим переменам созданы новые условия для ускоренного развития культуры во всех национальных республиках. Исходя из цели исследования, намечается решение следующих задач: обработка материала из источников по якутскому музыкальному искусству; классификация по жанрам; перевод терминов; выявление и анализ способов терминообразования.

Для того чтобы создать глубокое по идейному и художественному замыслу музыкальное искусство, в первую очередь нужно поднять на высокий уровень познание музыкального фольклора и терминологии. Прежде всего, это касается самой обработки собираемого материала. Это классификация песен по жанрам, их сравнительная характеристика, фиксация и перевод словесных текстов, определение происхождения и распространения песен, указание особенностей интонирования, сопоставление вариантов одних и тех же песен у разных исполнителей в разных районах. Одним из самых важных вопросов работы является создание терминологического банка данных (далее ТБД) по терминам якутского музыкального искусства. В связи с этим назрела необходимость упорядочения терминов в языке музыкального искусства. Ведется научно-исследовательская работа по теме «Создание терминологического банка данных терминов народного искусства». В настоящее время в ТБД по терминам якутского музыкального искусства вошли более 500 слов-терминов и терминологических словосочетаний. Основными источниками для создания словаря ТБД являются